

Пробный аналитический тур

Выполните целостный анализ предложенного произведения (одного на выбор).

Наталья Ключарева

До востребования, Вере

На качелях лежал кособокий сугроб с траурной каёмкой. Он равнодушно хранил в себе отпечаток голубиной лапы, полупрозрачную кленовую вертушку и трамвайный билет, обещавший счастье.

Вера замедлила шаг, по привычке сложила цифры и махнула рукой. Счастливые билеты преследовали её с упорством маньяка, но что хотела сказать этим насмешливая судьба? Поддержать в очередную трудную минуту? Пообещать, что когда-нибудь, на следующей остановке, в другой раз? Или поиздеваться? Но сколько можно? Не надоело ещё?

Даже в сугробе на старых качелях (Вера слегка толкнула их, и снег с унылой готовностью пополз к краю) – и тот счастливый. А между тем мир устроен иначе. Всем на неё плевать.

Плевать, плевать, плевать – заскрипело внутри в унисон с качелями. И мне на всех. Ну, или почти. За одним-единственным исключением. Которое не считается.

Всем на меня, мне на всех, мне на меня, всем на всех. Это мировой закон, вроде силы тяготения. А вовсе не моя жизнь, упорно не желающая складываться. Точно кубик рубика.

Ну, а когда одиночество становится всемирным, как потоп, от него уже не больно. Наверное, скоро и счастливые билеты перестанут бесить. Или попадаться.

Вера слушала нытьё качелей, сугроб елозил туда-сюда, оставляя мокрый след на гнилых досках. На разбитой голове фонаря голубь выпячивал изумрудную грудь, тщетно призывая подругу. Пахло псиной, птичьим помётом и ветром, примчавшимся из дальних стран, где всё совсем иначе. Вера неосторожно повернулась к нему лицом и тут же почувствовала, как внутри надуваются алые паруса. О, нет...

Она полетела по рыхлому льду, прокалывая его каблуками и проваливаясь в сизую глубину, полную невидимой воды. Нет, нет, нет...

Не убереглась. Остро, как завязавшему курильщику затянуться и выпустить дым, ей захотелось написать Матвею письмо. Ни о чём. Обо всём на свете.

Но Вера тут же представила, как Матвей это читает. На своей кафедре, между лекцией и зачётом. Сначала с хирургической аккуратностью вскрывает конверт. Не исключено, что у него для этих нужд хранится в столе специальный ножичек, доставшийся от какого-нибудь внучатого дяди (обязательно благородного и с трагической судьбой).

Матвей достаёт письмо. От неряшливого почерка его тонкие губы чуть заметно опускаются вниз. А потом брови начинают подниматься вверх. Через минуту рука Матвея (к которой так мучительно хочется прижаться лицом, что сводит скулы) комкает листок и швыряет в мусорную корзину. И Вера чувствует себя этим бумажным выкидышем, отбросом, отобравшим бесценное время великого человека...

Алые паруса наконец-то пожухли и опали, как дешёвые тюльпаны из супермаркета на утро после 8 марта.

Вера увидела дурацкое парковое кафе. Почему-то открытое (ещё один подарок судьбы, ага). Что же, решим проблему испытанным способом...

Вера присела за шаткий пластмассовый столик (локти тут же прилипли – ну и ладно) и написала письмо. Какое хотела. Лиричное, ироничное, циничное, бесстыдно личное.

Про катание чёрного сугроба и всемирный потоп одиночества, про издевательство счастливых билетов и официантку, свирепо сопящую за стойкой, словно пожилой бульдог... Под конец она даже забыла про Матвея. Да и кто он такой, если разобраться? Один из ликов, который приняло её изобретательное одиночество этой бесконечной зимой. Которая, тем не менее, уже начинает слегка подмокать и хлюпать под ногами.

Вера заклеила мятый конверт и на секунду задумалась. Где мы ещё не бывали? Вот, например, хороший город – Сургут.

«Сургут. До востребования. Вере П.» – вывела она на конверте.

Синий ящик попался почти сразу, у выхода из парка. Опять повезло.

Часто Вере казалось, что она – последний человек на земле, который пользуется бумажной почтой. Или просто – последний человек на Земле.

Во многих городах, больших и малых, Веру ждали невостребованные письма.
Многолетняя переписка с многоликим одиночеством.

Порой она видела во сне, как приезжает куда-нибудь и получает своё письмо. Открывает.
А там – чужой почерк, такой раздражающе ровный... Матвей! В учтивых выражениях зовёт её
приехать... Куда? Да в этот самый город!

И она ждёт его на скамейке в безлюдном парке. Голубь выпячивает изумрудную грудь,
сугроб качается на качелях, рвутся прочь выцветшие флажки над танцплощадкой...

И он, разумеется, приходит.

Вот уже мелькает на боковой аллее его вечный вельветовый пиджак. Замёрзшие руки в
карманах, задранные аистинные плечи. И этот невыносимый, то ли детский, то ли дедовский шарф.
Как у солдата разбитой наполеоновской армии...

Вера прирастает к скамейке. Даже во сне она не может пошевелинуться, когда он... И
поэтому просто сидит и смотрит.

А Матвей поправляет очки (этим своим машинальным, единственным в мире жестом) и
решительно идёт к ней.

Из года в год. Из города в город.

2021

Линор Горалик

Ночью

Ночью,
в самом начале удивительно теплого месяца,
он обошел всех остальных
и велел собираться.
Кто-то был предупрежден заранее.
Большинство — нет.

Сначала он боялся,
что их выдаст
испуганный недоуменный гомон,
дребезжание пыльных шкафов,
истерический перезвон ножей.

Потом это стало неважно.

Перепуганно причитали длинные старые селедочницы,
плакали ничего не понимающие маленькие рюмки,
утюги столпились в дверях
осоловелым, покорным стадом.
Тарелки метались,
не понимая, как можно бросить
весь этот затхлый скарб, —
потемневшие скатерти,
грязные кухонные полотенца,
священные бабушкины салфетки.
Жирная утятница, воровато озираясь,
быстро заглатывала серебряные ложечки.
Солонка трясла свою пыльную, захватанную сестру,
истерически повторявшую:
«Она догонит и перебьет нас!
Она догонит и перебьет нас!..»

Он неловко ударил ее
деревянной засаленной ручкой.
Она замолчала.

Когда они, наконец, двинулись вниз по пригорку,
вся околица слышала их,
вся деревня смотрела на них из окон.
Когда они добежали до реки,
топот Федоры уже отзывался дрожью
в его тусклых от застаревшей грязи
медных боках.

Задние ряды проклинали его,
скатывались в канавы, отставали.
Средние плакали, проклинали его, но шли.
Передних не было, —
только он,
на подгибающихся старых ногах,
в молчаливом ужасе
ответственности и сомнений.

Когда они все-таки добежали до реки, —
измученные, треснувшие, надбитые, —
он обернулся и сказал им: «Вот увидите,
мы войдем в воду — и выйдем из нее другими».

Но тут река расступилась.

2012

Критерии оценивания аналитического пробного тура

Максимальный балл – 60

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр – оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

Критерии:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

Максимально 30 баллов.

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту произведения.

Максимально 10 баллов.

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов.

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использовании фонового материала из области культуры и литературы.

Максимально 5 баллов.

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие речевых и грамматических ошибок). Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчётом ошибок не предусматривается. Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трёх ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Максимально 5 баллов.